

© Скриба А.С.¹

Столкновение фрагментов? Влияние фрагментации мирового порядка на возрождение блокового соперничества

Аннотация. Фрагментация мира – явление, которое в настоящее время едва ли подвергается сомнению. После окончания холодной войны существовало несколько вариантов эволюции международной системы, включая ее движение в сторону большей универсальности, повышения значимости глобальных институтов. Однако разнообразие международных проблем и специфика их решения (или нерешения) в различных регионах мира, а также отсутствие единого и универсального подхода к предотвращению кризисов, – все это говорят о дроблении мирового сообщества на регионы, объединения и «клубы».

Прошлый опыт, в том числе полученный во времена холодной войны, заставляет думать, что фрагментация мира приведет к его новому разделению на военно-политические блоки, которые станут логичным продолжением экономической интеграции, и возобновлению геополитической конкуренции между блоками и их лидерами. Однако такое предположение имеет два серьезных недостатка. Во-первых, подобный подход западноцентричен: он экстраполирует евро-атлантический опыт на другие регионы, где отношения между странами исторически развивались по собствен-

¹ Скриба Андрей Сергеевич – кандидат политических наук, заведующий научно-учебной лабораторией политической географии и современной геополитики, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ; askriba@hse.ru

ным правилам, необязательно в русле жесткой конкуренции. Во-вторых, это предположение историкоависимо: оно обусловлено ситуацией холдной войны, т.е. конкретного и весьма уникального периода международных отношений.

В связи с обозначенными ограничениями, а также по причине нынешней высокой популярности подобных предположений о путях дальнейшей эволюции международной системы, статья ставит своей целью изучить соотношение между происходившими в последние десятилетия процессами регионализма и фрагментации мирового порядка, феноменом блоковости и самим существованием региональных блоков в их конвенциональном понимании.

Ключевые слова: регионализм, блоки, конкуренция, БРИКС, ОДКБ, интеграция, НАТО, СНГ.

Введение

Далеко не все так называемые «рыцари» холдной войны (ученые и государственные деятели) смирились с ее окончанием. Почти сразу после завершения идеологической конкуренции в политических и интеллектуальных кругах начались поиски новых основ для старого соперничества. Это были и никуда не исчезнувшие геополитические противоречия, сдобренные нерешенными территориальными конфликтами и амбициями великих держав [Brzezinski, 1994], и попытки перенести конкуренцию в экономическую плоскость, но с неизменной логикой игры с нулевой суммой [Luttwak, 1990], и цивилизационные различия [Huntington, 1993].

Однако на некоторое время контуры будущих противостояний оказались размыты новым витком глобализации. В 1990-е годы мир становился как никогда связанным, взаимная торговля и инвестиции росли [International trade ... , 2000], число межгосударственных военных конфликтов снижалось. Это не сделало мир безопасным, породив новые угрозы и проблемы (терроризм, изменение климата, дефицит продовольствия, распространение болезней). Но все эти вызовы, по большей части, уже не имели межнационального характера (по крайней мере, так казалось тогда). И даже доминирование в мировой политике США воспринималось не столько как угроза, сколько как лидерство в формировании нового, более глобального мирового порядка.

С этой точки зрения начало XXI в. (вплоть до настоящего времени) оказалось более противоречивым, чем конец XX в. С одной стороны, глобализация продолжилась. С другой стороны, ее рост замедлился, межнациональный (и межцивилизационный) антагонизм возрос, а среди национальных государств появился тренд на опережающее укрепление региональных, а не глобальных связей. Впрочем, регионализация не рассматривалась как нечто, противоречащее глобализации: это вполне мог быть и шаг в направлении глобализации, поскольку если для почти 200 стран договориться об общих правилах крайне затруднительно, то для пяти–десяти блоков это вполне возможно.

Можно отметить, что качественно новые черты процессам регионализации придала усилившаяся в 2000-е годы конкуренция на постсоветском пространстве между Россией, с одной стороны, и ЕС (экономический блок) и США (лидер военного блока НАТО) – с другой. Закрепившись в Восточной Европе, расширив здесь свое эксклюзивное (т.е. в некотором смысле исключавшее Россию) экономическое присутствие и спроектировав сюда свою военную инфраструктуру (например, элементы ПРО), западные страны последовательно расширяли и институционализировали свое влияние на пространстве бывшего СССР, продвигая различные формы интеграции (ГУАМ, «Восточное партнерство», диалог по линии НАТО). В свою очередь, Россия, озабоченная снижением своего влияния в этом регионе, стала продвигать собственные интеграционные проекты: в экономической сфере – ЕврАзЭС, позже трансформировавшийся в ЕАЭС; в военной сфере новое дыхание попытались придать ОДКБ.

Нарастание напряженности между Россией и Западом было не единственным примером развития регионализма. По сути, регионализм во все большей степени способствовал не дальнейшему продвижению глобализации, а ее развороту вспять. Особенно отчетливо это проявилось в 2010-е годы, когда противоречия, аналогичные тем, что возникли по линии Россия–Запад, проявились на другом конце Евразии, между Китаем и США (в частности, по вопросам безопасности Тайваня и обстановки в Южно-Китайском море). В других регионах расширение зон нестабильности вследствие территориальных конфликтов и государственных переворотов, в некоторых случаях приводивших к де-факто распаду госу-

дарств (Судан) или их превращению в «failed states» (Ливия, Сирия), также «отключало» эти территории от процессов глобализации, которые в 1990-е годы казались необратимыми.

В свете этих событий такие термины, как регионализация и регионализм уже не могли в полной мере использоваться для описания происходивших в мире процессов, особенно – отношений между крупными центрами силы (старыми великими державами и новыми, поднимающимися центрами силы), конкурировавшими за сферы влияния и зоны привилегированных геополитических интересов. Появился новый термин – *фрагментация* мирового порядка, – отражающий как неспособность крупных держав достичь компромисса и сформировать относительно централизованную структуру [Хуашэн, 2020], так и феномен возникновения новых, региональных правил и стандартов, которые «существенно отличаются от правил и стандартов других сообществ, ведя тем самым к дальнейшей фрагментации экономического управления» [Суслов, 2016]. А от термина «фрагментация» уже было рукой подать до старого, привычного многим политикам и ученым, геополитического блокового мышления.

Причина переноса основных черт фрагментации и блоковости на процессы регионализации и регионализм вполне понятна. В случае роста конфронтации между центрами силы, как это не раз бывало в истории, другим странам придется определиться, чью сторону принять, когда того потребует международная конъюнктура. Отсюда подход к региональным блокам как геополитическим и геоэкономическим единицам, будущая конкуренция которых – лишь вопрос времени. Проблемой в данном случае является то, что перенос логики игры с нулевой суммой с отдельных (пукской и крупных) стран на целые сообщества государств может не только быть отражением реальности, но и, как говорят критические теории, формировать эту реальность.

Цель данной статьи – ответить на вопрос: действительно ли фрагментация мира, – т.е. неспособность универсально и сообща решать кризисы в различных регионах, следствием чего становится большая склонность государств к кооперации внутри региональной группировки, а не на глобальном уровне, – неизбежно приводит к блоковости данных группировок вслед за обострением отношений между мировыми центрами силы? Или, если говорить

короче, ведет ли фрагментация мира (далеко не первая в его истории) к неизбежному столкновению фрагментов?

Наше исследование будет состоять из нескольких частей. В первой части будет изучен феномен блоковости с опорой на типологию международных систем М. Каплана. Во второй части на примерах современного регионализма (с начала XXI в.) будет дана оценка их геополитической блоковости, т.е. обрисована логика геополитической конкуренции с другими блоками и центрами силы. В качестве примеров мы возьмем «коллективный» Запад (НАТО и Европейский союз), Россию и ее партнеров на пространстве СНГ, АСЕАН, ШОС, рассмотрим региональные отношения на территории Ближнего Востока, а также проанализируем некоторые глобальные тренды (не ограниченные одним географическим регионом). В последнем разделе будет сделан вывод о степени влияния геополитики на современный регионализм, проведено сравнение с периодом холодной войны, а также дан ответ на вопрос, являются ли блоковость (в случае ее наличия) естественной чертой современного регионализма или конструируемой со стороны геополитических центров силы.

Регионализм: экономика или политика?

Для начала определим, какие характеристики добавляет региональным группировкам их блоковость. В самом общем понимании регионализм в международных отношениях – это объединение государств (чаще всего географически близких) посредством интенсификации связей между ними в различных областях (подробнее см.: [Воскресенский, 2010]). Исторически этот феномен можно было наблюдать, в первую очередь, на примере европейской интеграции, начавшейся с создания Европейского объединения угля и стали (1952) и продолжившейся в иных экономических областях до формирования единого европейского рынка и институтов его регулирования. Отсюда – попытка повторить этот опыт в других регионах мира (например, МЕРКОСУР в Латинской Америке, АСЕАН в Юго-Восточной Азии) именно в экономической сфере. Именно поэтому регионализм ассоциируют, в первую очередь, с торгово-экономическими объединениями.

Политическое, или геополитическое (т.е. происходящее в контексте международной конкуренции) сближение между госу-

дарствами – феномен более сложный в реализации из-за исторически высокого недоверия стран и народов, а также представляющих их политиков друг к другу. Неслучайно в истории гораздо больше примеров ситуативных союзов для решения краткосрочных задач, нежели устойчивых (и тем более институционализированных) объединений. Пожалуй, именно во время холодной войны перманентность и идеологизированность геополитического противостояния, а также большое число вовлеченных в него участников создали во многом уникальную для истории ситуацию, когда такие долгосрочные военно-политические группировки стали возможными. Они и получили устойчивое наименование – блоки.

С учетом этого, чтобы отличить военно-политическую блоковость от экономической интеграции, можно обозначить два функциональных критерия. *Первый критерий* – целью и регулярной деятельностью военно-политической группировки должна быть именно геополитическая конкуренция с другими блоками или центрами силы. Однако в таком случае нужно ввести дополнительные параметры, чтобы отличать блок от временного союза. Поэтому *вторым критерием* является системное и долгосрочное единство участников объединения в вопросах геополитической конкуренции. Если их объединяет приверженность общим подходам, общая устойчивая позиция и неизменная концентрация на общих геополитических целях (лучше всего – в институционализированной форме), то можно смело говорить о наличии блока государств (в традициях холодной войны).

Изучению устройства подобных блоков и анализу поведения входящих в них государств, а также влияния разных блоков на стабильность международной системы было посвящено немало исследований ученых-реалистов. Так, например, американский ученый М. Каплан в одной из своих работ предложил несколько типов теоретически возможных международных систем [Kaplan, 1957]. Некоторые из них, такие как система единичного вето (основанная на том, что у каждого государства есть арсенал, способный уничтожить всех остальных) или иерархическая система (мировое правительство), так и остались теоретическими и не обрели практической реализации. Другие же вполне коррелируют с тем, как в различные исторические периоды была организована блоковая основа мира, – это биполярные и многополярные системы,

которые могут быть гибкими или жесткими (в зависимости от наличия в мире нейтральных государств), иерархизированными или неиерархизированными (что определяется наличием в блоке одного государства, воле которого подчиняются все остальные, или консенсусным принятием решений всеми участниками блока).

С окончанием холодной войны и резким ослаблением геополитической конкуренции исчезла и потребность в геополитических блоках. Тем более что один из двух главных блоков – Организация Варшавского договора (ОВД) – самораспустился. Более широкое распространение получили экономические группировки. Но стоит отметить, что самая продвинутая из них – Европейский союз – так и не сумела вывести на наднациональный уровень вопросы внешней политики и безопасности, которые остались прерогативой межгосударственного уровня взаимодействия.

Однако уже с начала 1990-х годов многие ученые стали указывать на то, что торговые и экономические объединения также могут стать частью геополитической конкуренции. В этом контексте Э. Люттвак ввел термин *геоэкономика* – геополитическая конкуренция экономическими инструментами (или, говоря его словами, «логика конфликта, грамматика коммерции») [Luttwak, 1990]. После этого вышел еще ряд статей и монографий, посвященных использованию экономических союзов для достижения геополитических целей [Leonard, 2016 ; Blackwill, Harris, 2016].

Разумеется, далеко не каждое интеграционное объединение можно рассматривать в геополитическом ключе. Для этого, во-первых, требуется наличие государства-лидера, способного подчинить объединение своим глобальным амбициям, используя для их реализации ресурсы всех стран сообщества. Без такого лидера экономический союз может в лучшем случае претендовать на статус оборонительного блока, да и то лишь в случае четкого прописывания в уставных документах соответствующих целей и инструментов их осуществления. По этой причине едва ли можно назвать блоками многие объединения, сконцентрированные на торговле и целях устойчивого развития, – такие как МЕРКОСУР, АСЕАН, ССАГПЗ и мн. др., – повестка безопасности которых ограничена так называемыми «новыми угрозами» (международный терроризм, нелегальная миграция, наркотрафик и пр.), т.е. не связана с межгосударственным соперничеством.

Во-вторых, блоку трудно существовать без антагониста – в лице другого блока или центра силы. Именно этот критерий мы будем использовать, рассматривая объединения, которые либо уже являются блоками, либо имеют потенциал к блоковому оформлению. К таким объединениям мы отнесем условный «коллективный» Запад (представленный США, ЕС и НАТО, антагонистом которых выступают растущие страны не-Запада), Россию и ее партнеров по СНГ, ЕАЭС и ОДКБ, а также условный блок стран не-Запада, который пока слабо институционально оформлен на площадках ШОС и БРИКС и представлен, в первую очередь, Россией и Китаем.

Западный блок: США, НАТО и ЕС

Объединение западных государств во многом является наследием периода холодной войны. До окончания Второй мировой войны едва ли можно было говорить о существовании такого феномена, как «коллективный» Запад. Тем не менее, несмотря на исчезновение идеологической конкуренции, распад СССР и ОВД, потепление отношений между «новой» Россией и США, ни НАТО, ни Европейский союз не прекратили свое существование. Более того, в 1990–2000 годы происходило их постепенное географическое расширение.

Европейский союз, образованный в 1992 г. по итогам Маастрихтских соглашений, до своего оформления на протяжении нескольких десятилетий развивался как сугубо экономическое сообщество. Однако новый этап интеграции и последовавшие реформы Договора о Европейском союзе свидетельствовали о продолжающемся системном политическом сближении стран – участниц ЕС и их позиций по широкому кругу вопросов, в том числе по вопросам внешней политики и политики безопасности (с введением в состав Еврокомиссии соответствующего поста). В 2004 и 2007 гг. в состав ЕС вошли страны – участницы бывшего ОВД и даже СССР (страны Балтии).

Само по себе расширение ЕС еще могло рассматриваться как сугубо экономический проект, не имеющий блоковой составляющей, однако два дополнительных обстоятельства придавали европейской интеграции принципиально иные черты. Во-первых, расширение ЕС происходило параллельно с расширением НАТО, и

приглашение одних и тех же государств в оба объединения было практически синхронным. Таким образом, принадлежность к «клубу» западных государств означала (за редким исключением) не только углубленное торгово-экономическое сотрудничество, но также и военно-политическое партнерство. Неслучайно вскоре после вступления в ЕС и НАТО некоторые страны Восточной Европы (Польша, Чехия, позже Румыния) начали консультации с США о размещении на своей территории элементов американской противоракетной обороны.

Во-вторых, уже во второй половине 2000-х годов стала очевидной политическая сторона расширения ЕС и НАТО, наиболее отчетливо проявившаяся в дальнейших экономических инициативах объединений, имевших явно геополитический оттенок. Речь идет не только о привлечении к сотрудничеству стран, формально не соответствовавших критериям участия в ЕС или НАТО из-за проблем в экономике и управлении, а также из-за наличия внутренних территориальных конфликтов (Украина и Грузия), но и о демонстративном отказе вести по этим вопросам диалог с Россией, также заявлявшей о своих интересах (как минимум – в вопросах безопасности). Явно эксклюзивный (т.е. исключавший Россию) характер имела и инициатива «Восточное партнерство», запущенная в 2009 г.

Итак, блоковые черты институтов «коллективного» Запада в лице ЕС и НАТО не только сохранились, но даже умножились (как минимум территориально) в 2000–2010 гг. В блоке сохранился и несомненный гегемон – США, что было обусловлено экономическими и военными показателями этой страны вкупе с ее способностью и желанием проецировать свое влияние вовне. Также был обрисован новый геополитический оппонент, сдерживание которого требовало общего блокового мышления и политического единства. Этим оппонентом, вопреки предпринимавшимся в 1990-е годы попыткам сблизиться, стала Россия. Собственно, еще в 1994 г. один из видных ученых и политических деятелей времен холодной войны З. Бжезинский назвал партнерские отношения с Россией преждевременными: «совершенно невероятно, чтобы Россию можно было бы ассимилировать в НАТО в качестве обычновенного члена организации и чтобы при этом не исчезла особая сплоченность данного союза, – это не в интересах Америки» [Brzezinski, 1994, p. 81].

Основными тестами на блоковость, которые ЕС и НАТО успешно прошли, стали военные кризисы в Грузии (2008) и на Украине (2014 г. и 2022 г. – настоящее время). Участники блока по нарастающей демонстрировали единство своей политики по введению ограничительных мер против России, поддержке ее оппонентов, отказу от экономического сотрудничества с Москвой. В 2022–2023 гг. это происходило синхронно со стороны США и ЕС в экономической области (вплоть до согласования рестрикционных мер и списков подсанкционных компаний и персон), а также в области оказания помощи Киеву по линии обеих организаций.

Тем не менее ЕС и НАТО все же имеют свои особенности, в силу чего современный уровень единства «коллективного» Запада отличается (пусть пока и незначительно) от уровня, имевшего место в годы холодной войны. В данном случае речь идет о неустойчивости нынешнего единства, для поддержания которого требуется постоянное воспроизведение нарратива о внешней geopolитической угрозе, которое, в свою очередь, в условиях регулярно повторяющихся электоральных циклов зависит от политического уклона правящих сил.

В отсутствие постоянной экзистенциальной угрозы, подобной той, которую Запад ощущал со стороны СССР в эпоху холодной войны (в скобках заметим, что это работало в обе стороны), нарратив о внешней geopolитической угрозе со стороны России, с которой у многих европейских стран в 1990–2000-е годы установились тесные торгово-экономические отношения, далеко не всегда имеет достаточный уровень поддержки. Можно предположить, что «всплеск» единства в 2022–2023 гг. был вызван именно возвращением нарратива об экзистенциальной угрозе. В предыдущие два десятилетия ситуация виделась иначе – отсюда и ограниченность санкций, вводившихся в 2008 г. и после 2014 г., и снижение национальных трат на оборону в рамках НАТО (вызывавшее критику со стороны США), и даже такие резкие тезисы как «смерть мозга НАТО» [Низамутдинов, 2019].

Таким образом, можно заключить, что западный блок во главе с США, – объединение государств, всячески подчеркивающих свое отличие от стран других регионов, где находятся их потенциальные geopolитические оппоненты, – пока является слабо или, точнее сказать, ситуативно иерархизированным объединением.

Отдельные страны (Венгрия, Словакия) даже в конце 2023 г. открыто говорили о том, что их подход к России и украинскому конфликту противоречит генеральной линии ЕС и НАТО. При этом позиции США и ЕС по поводу положения дел в других странах и регионах, которые Вашингтон считает своими геополитическими приоритетами (например, присутствие в регионе Ближнего Востока, сдерживание КНР), отличаются еще меньшим единством, чем по вопросу сдерживания России. Но все-таки тягу многих крупных стран «коллективного» Запада (помимо США) к блоковости, т.е. к противопоставлению себя другим странам и соперничеству с ними, нельзя отрицать.

Россия на пространстве СНГ: блок, союз или интеграция?

В отличие от США, сохранивших свой блоковый потенциал после окончания холодной войны (хотя, как было сказано выше, на более низком уровне), Россия по прошествии трех десятилетий после распада СССР этого потенциала не только лишилась, но и не сумела его восстановить.

В вопросах торгово-экономических отношений Содружество независимых государств (СНГ) уже с 1990-х годов плохоправлялось с возложенными на него задачами. По сравнению с опытом европейской интеграции, СНГ не хватало скоординированности экономических политик входивших в него стран, а также действенного наднационального органа, который следил бы за соблюдением единых правил на общем рынке. Вместо этого страны – участницы СНГ вскоре после объявления независимости стали вводить протекционистские меры в отношении друг друга. Дополнительные проблемы возникали и потому, что эти страны в разное время вступали в ВТО, что создавало дополнительные торговые барьеры между ними.

Реагируя на активизацию блоковой политики Запада и стремясь сохранить собственное экономическое влияние на пространстве бывшего СССР, Москва выступила с рядом интеграционных инициатив: ЕврАзЭС, Таможенный союз, Единое экономическое пространство и, наконец, Евразийский экономический союз (ЕАЭС). На первый взгляд, усилия российского государства представляли собой весьма очевидный шаг по восстановлению контроля над общим рынком СНГ с «привязыванием» таким образом стран –

участниц СНГ к России. Однако в данном случае Москва почти с самого начала столкнулась с двумя серьезными препятствиями. Во-первых, не все страны СНГ согласились участвовать в российских проектах. В частности, от этого отказались более ориентированные на ЕС Грузия, Молдавия и Украина, а также экономически более самодостаточные Азербайджан и Узбекистан. Во-вторых, даже с теми, кто был заинтересован в участии, переговорный процесс в 2000–2010-х годах превратился в напряженный торг, и экономические выгоды России оказались довольно скромными.

Столь же лимитированными были и успехи Москвы в восстановлении единого военно-политического пространства и общей политики в области безопасности на пространстве СНГ. Еще в 1990-е годы, вскоре после распада СССР, был подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ), на основе которого была создана соответствующая организация – ОДКБ. В конце 2000-х годов в рамках ОДКБ были сформированы коллективные силы оперативного реагирования. Тем не менее по интенсивности своей деятельности эта организация заметно уступала НАТО. Вопреки тому обстоятельству, что военно-техническое превосходство России в ОДКБ было даже большим, чем у США в НАТО, младшие партнеры Москвы рассматривали ОДКБ как сугубо оборонительный проект. Например, Белоруссия, не ощущавшая экзистенциальной угрозы со стороны Запада, не единожды тормозила и блокировала инициативы Москвы по расширению российского военного присутствия (войска, инфраструктура) на белорусской территории (хотя еще со времен СССР военно-техническое сотрудничество России с Белоруссией было глубже, чем со многими другими странами СНГ).

Недостаток возможностей России по доминированию в ЕАЭС и ОДКБ (т.е. в экономическом и военно-политическом объединениях) отчетливо проявлялся в ходе региональных кризисов, когда Москва сталкивалась с коллективным давлением со стороны западного блока. Так, когда по итогам операции по принуждению Грузии к миру в 2008 г. Россия признала независимость Абхазии и Южной Осетии, ее примеру не последовало ни одно государство постсоветского пространства. Все страны СНГ (из которых Грузия вышла в 2009 г.) продолжали признавать территориальную целостность Грузии в границах 1991 г.

Аналогичная ситуация сложилась в 2014 г., на фоне присоединения Крыма к РФ и развития сепаратистского движения на Донбассе (на тот момент – территория Украины). Во время голосования на Генеральной ассамблее ООН по проекту резолюции № 68/262, в которой признавалась территориальная целостность Украины и не признавались референдумы, проведенные в Автономной Республике Крым и городе Севастополе 16 марта 2014 г., из всех стран постсоветского пространства лишь Белоруссия и Армения проголосовали против (помимо самой России). Азербайджан, Грузия и Молдова голосовали «за», страны Центральной Азии воздержались [Territorial integrity ... , 2014]. Важно отметить, что в течение следующих десяти лет ни один из глав стран ОДКБ не заявил о признании Крыма частью России. Ближе всех к этой формулировке в 2014 г. подошел президент Белоруссии А. Лукашенко, когда заявил о признании Крыма «де-факто российским»¹ [Александр Лукашенко назвал ... , 2014]. Все это не позволяет говорить о блоковой солидарности участников ОДКБ и ЕАЭС с Россией. Официальные лица и коммерческие компании из стран СНГ, следуя запретам со стороны ЕС и США, отказались от присутствия в Крыму.

Нельзя не упомянуть и реакцию стран ЕАЭС на экономические санкции, введенные со стороны США и ЕС в отношении России. С одной стороны, партнеры РФ не присоединились к этим санкциям. Более того, они стали «воротами» на российский рынок для многих санкционных товаров. Однако, с другой стороны, такое «посредничество» вступало в противоречие с целями продовольственной безопасности РФ и ее политикой по развитию собственных секторов экономики, в частности сельского хозяйства. Поэтому во второй половине 2010-х годов на сухопутных границах России с Белоруссией и Казахстаном был вынуждено восстановлен таможенный контроль, – несмотря на то, что это противоречило идею и духу интеграции в рамках ЕАЭС.

Наконец, после начала специальной военной операции (СВО) РФ на Украине, Россию на площадке ООН поддержала лишь Белоруссия, территория которой была задействована в начале спецоперации. Остальные члены СНГ присоединились к осужде-

¹ Позже, в 2021 г., он признал Крым и де-юре российским, но от его посещения все равно воздержался [Крым де-факто ... , 2021].

нию РФ или воздержались при голосовании (страны ОДКБ). Примечательно, что, по мере развития конфликта и его распространения на территорию РФ (даже до присоединения новых регионов), страны ОДКБ не оказали России поддержку. А после введения санкций, направленных на отключение России от международных торгово-экономических связей (включая финансово-расчетные системы), страны ЕАЭС подчинились требованиям регулирующих органов ЕС и США и ограничили свои экономические контакты с РФ.

Итак, на основании вышеизложенного мы не можем сказать, что Россия полностью утратила влияние на постсоветском пространстве или что все страны бывшего СССР настроены однозначно антироссийски. Однако мы можем констатировать два важных аспекта. Во-первых, союзнические отношения в экономических и военно-политических вопросах между Москвой и странами постсоветского пространства не могут быть охарактеризованы как блоковость. Очевидно, что в вопросах геополитического соперничества у стран ЕАЭС и ОДКБ есть собственная повестка, отличающаяся от позиции Москвы, что не позволяет говорить о единой и долгосрочной политике этих объединений. Во-вторых, отсутствие единства – это не только недоработка России, но и следствие целенаправленной стратегии постсоветских стран, многие из которых придерживаются антиблоковой внешней политики.

Проблема блоковости в кроссрегиональной геополитике

Продвигая повестку нового геополитического соперничества, американские политики чаще всего говорят о поднимающихся центрах силы (англ. «rising powers») или – особенно в последнее время устами отдельных представителей американского истеблишмента – о новой «оси зла» в лице России, Китая и Ирана [Американский сенатор … , 2023]. Особенно это касается Китая: США и НАТО даже пробуют тестировать свою блоковую геополитику на китайском направлении¹. Иногда в качестве объектов геополитического соперничества называют целые организации, в которых вышеназванные незападные страны играют значительную роль [Spagnol, 2023]. Некоторые страны Европы, например Великобри-

¹ Так, Ф. Кисида стал первым премьер-министром Японии, принявшим участие в саммите НАТО (в 2022 и 2023 гг.) [Портякова, 2023].

тания, Франция, а теперь уже и Германия, выступают с похожими нарративами, говоря об огромном отличии незападных центров силы от либерально-демократического западного блока.

Однако по-прежнему остается неясным, насколько можно говорить о единстве тех стран (часто географически отдаленных друг от друга), которые Запад назначил своими geopolитическими оппонентами. Выше уже было показано, что Россия за последние 20 лет так и не сумела добиться блоковости на пространстве своего исторического влияния.

Прежде всего, важно отметить, что большая часть мира (если оценивать по территориям и численности населения) даже во времена холодной войны стремилась оставаться вне блоковой логики международных отношений. Так появилось Движение неприсоединения, члены которого с самого начала противопоставляли свою позицию делению мира на демократическую (проамериканскую) и коммунистическую (просоветскую) части. После окончания холодной войны состав Движения неприсоединения существенно расширился. Сегодня в него входят 120 стран (включая Иран, а на постсоветском пространстве – Белоруссию, Узбекистан и Туркменистан), еще 18 являются наблюдателями (в число наблюдателей входят и Россия, и Китай).

Трудно сказать, является ли это причиной или, наоборот, следствием дефицита блокового мышления у властей этих стран, но факты свидетельствуют о том, что различные форматы взаимодействия с участием России, Китая и Ирана, т.е. тех игроков, для которых США и «коллективный» Запад могут являться geopolитическими оппонентами, – не отличаются высокой степенью интеграции и сколько-нибудь существенным уровнем синхронизации действий, связанных с geopolитическим противостоянием западному блоку. Рассмотрим наиболее известные из этих форматов: Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и БРИКС (с 2023 г. – БРИКС+).

Развитие ШОС, несмотря на более чем два десятилетия ее работы, шло, в основном, по линиям гуманитарного сотрудничества и противодействия угрозам безопасности, не связанным с geopolитическим противостоянием. Даже торгово-экономическая составляющая в отношениях стран – участниц ШОС развивалась не слишком активно, в том числе – по причине позиции России,

предпочитавшей не смешивать собственные интеграционные проекты с более масштабными, в которых доминирование Москвы будет не таким явным. Поэтому, несмотря на то, что членами ШОС являются одновременно Россия, Китай и Иран, роль этой организации в решении геополитических вопросов даже на евразийском пространстве остается второстепенной; ШОС скорее является площадкой для обсуждения проблем такого рода лидерами заинтересованных государств.

Несколько иначе обстоит дело с БРИКС. С момента своего возникновения (2008) это объединение (отличающееся, к слову, низким уровнем формализации и институциализации) активно продвигало повестку мирного безблокового сосуществования. Реакция БРИКС на три кризиса, рассмотренные в предыдущем разделе, заслуживает особого внимания. Во-первых, страны – участницы БРИКС не только отказались осудить действия России, но и регулярно критиковали «коллективный» Запад за блоковый геополитический подход. Во-вторых, страны БРИКС не присоединились к экономическим санкциям Запада. Конечно, нужно отметить, что они не были готовы и нарушать эти санкции; тем не менее с учетом призывов Запада в 2022–2023 гг. сформировать единый фронт для коллективного давления на Москву по вопросу украинского кризиса, отказ вводить санкции со стороны стран – участниц БРИКС в очередной раз показал, что они не желают присоединяться к антироссийскому блоку. Наконец, в-третьих, украинский кризис оказался катализатором не столько стремления многих стран поддержать блок НАТО–ЕС, сколько их стремления присоединиться к БРИКС: свидетельством тому стали десятки заявлений от различных государств о желании стать членами БРИКС (БРИКС+ с 1 января 2024 г.).

Таким образом, хотя сообщество БРИКС (в отличие от ШОС) было в большой степени ориентировано на противодействие блоковости в международных отношениях, в реальности критика блоковости как таковой не стала основой для формирования общего отношения стран – участниц БРИКС к США, НАТО и ЕС как геополитическим оппонентам. Критику вызывает скорее блоковый подход к БРИКС со стороны «коллективного» Запада. Поэтому можно констатировать, что БРИКС также не соответствует

нашим критериям блоковости, поскольку не имеет ни явного геополитического лидера, ни единства геополитической позиции.

Особенности фрагментации в начале XXI в.: без блоков и их столкновений

Рассмотренные случаи в ситуации распада современного мирового порядка показывают, что в настоящее время отсутствует общий, т.е. универсальный подход к решению международных и региональных проблем. Вместо этого страны различных регионов предпочитают отгораживаться от мира вместе с теми, кого идентифицируют в качестве «своих», и со временем это приводит к фрагментации – возникновению правил «для своих» и противопоставлению их «чужим» правилам, т.е. правилам тех стран и регионов, которые придерживаются собственного понимания норм и справедливости. В значительной мере это подтверждает теорию конструктивизма, поднимая ее на региональный уровень анализа.

Ранее предполагалось, что в тех регионах, где присутствует очевидный гегемон из числа старых или новых великих держав, регионализм (имеющий, как правило, экономическую основу) приведет к воспроизведству блокового мышления в международных отношениях, а само региональное экономическое объединение превратится в его экономический инструмент. Правда, эта логика выводила из числа таких регионов АСЕАН или ССАГПЗ, хотя и не исключала, что в будущем туда может прийти гегемон извне, т.е. из соседних регионов. Соединяя такую логику с конструктивистским подходом, мы получаем то самое столкновение цивилизаций, про которое еще в начале 1990-х годов писал С. Хантингтон [Huntington, 1993], – столкновение блоков государств, принадлежащих к одной культурно-исторической общности.

Важно отметить, что для столкновения блоков нужно не только объединение государств в формальные союзы. Требуется также определенная геополитическая модель их поведения на мировой арене, или контекст конкуренции с другими государствами. Также необходим высокий и устойчивый (долгосрочный) уровень единства между членами объединения в вопросе геополитической конкуренции. Так было во времена холодной войны. В целом этот принцип по инерции сохранился сегодня у стран «коллективного» Запада. В вопросах мировой политики связка ЕС–НАТО по-прежнему

находится под большим влиянием США, и чем выше уровень геополитизации (т.е. конфликтности) этих вопросов, тем более весомой становится роль США в синхронно принимаемых коллективных решениях.

Однако попытки перенести подобную логику принятия решений и создания объединений на другие регионы и сообщества государств оказываются безрезультатными. Оказывается, что при фрагментации мирового порядка его новые элементы – те самые новые фрагменты – демонстрируют иные черты государственного поведения.

Во-первых, геополитическое соперничество вне западного блока является прерогативой отдельных государств, не сумевших (или не слишком стремившихся) собрать вокруг себя широкую и устойчивую коалицию. Россия, Китай и даже Иран (на более локальном уровне), если и воспринимают «коллективный» Запад и, в частности, США как геополитического соперника (хотя это скорее контровосприятие в ответ на действия самих США), действуют самостоятельно, без опоры на коалицию младших партнеров и даже друг на друга. Иными словами, геополитика остается уделом сильных.

Во-вторых, существенной чертой фрагментированного (-ящегося) миропорядка является новая, более важная роль малых и средних государств. Отказываясь от непосредственного участия в межрегиональной борьбе, они выступают как «страховка» от той самой блоковости. Во многом именно их незаинтересованность в военно-политических действиях и концентрация на экономической выгоде не позволяет экономическим союзам перерастти в геополитические блоки. К слову, именно позиция малых и средних стран Европы делает нынешний западный блок куда менее консолидированным, чем во времена холодной войны. Даже в 2022–2023 гг., в условиях интенсивной конфронтации с Россией и обрыва многих торговых и политических связей, правящие политические группы в Венгрии и Словакии выступали против такой политики ЕС и НАТО, компании из Греции продолжали содействовать импорту нефти из России, Турция, даже будучи членом НАТО, отказывалась присоединиться к санctionям ЕС против России.

В-третьих, в отсутствие блоков становится крайне затруднительно идентифицировать фрагменты, на которые распадается мировой порядок. Парадоксальность ситуации заключается в том,

что, хотя сама фрагментация не ставится под сомнение, из-за ее многослойности и отсутствия четких линий разграничения между группами стран определить контуры новых формирующихся фрагментов практически невозможно. Это, в свою очередь, ставит вопрос о том, будут ли неизбежны их столкновения, и если да, то какими они могут быть. Но какими бы они ни были, очевидно, что без блоковой логики противостояния столкновения, подобные тем, какие мы наблюдали во времена холодной войны, не могут быть воспроизведены.

Интенсивные изменения в международных отношениях, ознаменовавшие начало 2020-х годов, прежде всего конфликт на территории Украины и обострение палестино-израильского противостояния, создают аналитический «соблазн» использовать старые реалистические и geopolитические инструменты для оценки глобальных изменений. Экстраполяция этих инструментов на регионы, исторически лишенные блоковой логики конфронтации, а тем более – на регионы, которые были слабо вовлечены в идеологическое противостояние между СССР и США, кажется как минимум преждевременной, а как максимум – ошибочной.

Даже в условиях, когда западный блок по-прежнему демонстрирует относительную сплоченность, налицо противодействие – не столько собственно Западу, сколько его бескомпромиссности в вопросе geopolитического соперничества – со стороны других международных игроков.

Пример БРИКС демонстрирует, что противостояние блоковому мышлению в международных отношениях подразумевает не формирование антагонистичного блока, а отказ от блоковой политики вовсе. Поэтому политика БРИКС «страдает» от тех же «проблем», что и политика России по объединению вокруг себя постсоветских стран для формирования единой долгосрочной политической повестки. На площадке БРИКС идет обсуждение общих подходов и общего понимания многополярности, под которой подразумевается не деление мира на блоки, а разнообразие его формирующихся фрагментов.

Контуры будущего миропорядка, более фрагментированного, отличного от того, который возник в период однополярности в

1990-е годы во время единоличного лидерства США, еще предстоит определить. Сейчас же можно сделать вывод, что европейский (или евроатлантический) регионализм не стал моделью для других регионов. Проблемы противостояния западного блока с Россией остаются частным случаем международных отношений. Реакция мирового сообщества на это противостояние лишь подтверждает данный вывод. В свою очередь, вопрос о том, удастся ли Западу сохранить блоковость (или расширить ее на другие регионы, например, Восточную Азию) в мире, где это больше не является нормой, станет предметом новых исследований.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Александр Лукашенко назвал Крым частью России. (2014) // Коммерсантъ. – Москва. – 23.03. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2436613> (дата обращения: 28.11.2023) [Alexander Lukashenko called Crimea part of Russia [*Aleksandr Lukashenko nazval Krym chast'ju Rossii*]. (2014) // Kommersant. – Moscow. – 23.03. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2436613> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Американский сенатор Макконел назвал Россию, Иран и Китай новой осью зла. (2023) // Известия. – Москва. – 23.10. – URL: <https://iz.ru/1593786/2023-10-23/amerikanskii-senator-makkonnel-nazval-rossiui-iran-i-kitai-novoi-osiu-zla> (дата обращения: 28.11.2023) [American Senator McConnell called Russia, Iran and China the new axis of evil [*Amerikanskij senator Makkonnel nazval Rossiju, Iran i Kitaj novoj os'ju zla*]. (2023) // Izvestia. – Moscow. – 23.10. – URL: <https://iz.ru/1593786/2023-10-23/amerikanskii-senator-makkonnel-nazval-rossiui-iran-i-kitai-novoi-osiu-zla> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Воскресенский А.Д. (2010). Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. – Москва. – № 2 (8). – С. 30–58 [Voskresensky A.D. (2010). Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in modern international relations [*Koncepcii regionalizacii, regional'nyh podsistem, regional'nyh kompleksov i regional'nyh transformacij v sovremenennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah*] // Comparative politics. – Moscow. – N 2 (8). – P. 30–58]. (In Russian).

Крым де-факто и де-юре стал российским, заявил Лукашенко. (2021) // РИА Новости. – Москва. – 30.11. – URL: <https://ria.ru/20211130/krym-1761508239.html> (дата обращения: 28.11.2023) [Crimea de facto and de jure became Russian, Lukashenko said [*Krym de-fakto i de-jure stal rossijskim, zjavil Lukashenko*]. (2021) // RIA Novosti. – Moscow. – 30.11. – URL: <https://ria.ru/20211130/krym-1761508239.html> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Низамутдинов А. (2019). «Смерть мозга» : Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем // ТАСС. – Москва. – 08.11. – URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 28.11.2023) [Nizamutdinov A. (2019).

«Brain death» : Macron diagnosed NATO and warned Russia against friendship with China [«Smert' mozga» : Makron postavil NATO diagnostik predostereg Rossiju ot druzhby s Kitaem] // TACC. – Moscow. – 08.11. – URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Портыкова Н. (2023). Форпост принял : Япония становится главным союзником НАТО и ЕС в Азии // Известия. – Москва. – 13.07. – URL: <https://iz.ru/1543765/natalia-portiakova/forpost-prinjal-iaponii-stanovitsya-glavnym-soiuznikom-nato-i-es-v-azii> (дата обращения: 28.11.2023) [Portyakova N. (2023). Outpost accepted : Japan becomes the main ally of NATO and the EU in Asia [Forpost prinjal : Japonija stanovitsja glavnym soiuznikom NATO i ES v Azii] // Izvestia. – Moscow. – 13.07. – URL: <https://iz.ru/1543765/natalia-portiakova/forpost-prinjal-iaponii-stanovitsya-glavnym-soiuznikom-nato-i-es-v-azii> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Суслов Д.В. (2016). Регионализация и хаос во взаимозависимом мире : глобальный контекст к началу 2016 года // Россия в глобальной политике. – Москва. – 14.10. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/regionizacija-i-haos-vo-vzaimozavisimom-mire-globalnyj-kontekst-k-nachalu-2016-goda/> (дата обращения: 28.11.2023) [Suslov D.V. (2016). Regionalization and chaos in an interdependent world: global context by early 2016 [Regionizacija i haos vo vzaimozavisimom mire : global'nyj kontekst k nachalu 2016 goda] // Russia in global affairs. – Moscow. – 14.10. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/regionizacija-i-haos-vo-vzaimozavisimom-mire-globalnyj-kontekst-k-nachalu-2016-goda/> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Хушэн Ч. (2020). Мировой порядок : фрагментация, существование или соперничество? // Россия в глобальной политике. – Москва. – 14.10. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacija-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/> (дата обращения: 28.11.2023) [Huasheng Z. (2020). World order : fragmentation, coexistence or competition? [Mirovoj porjadok : fragmentacija, sosushhestvovanie ili sopernichestvo?] // Russia in global affairs. – Moscow. – 14.10. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacija-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/> (date of access: 28.11.2023)]. (In Russian).

Blackwill R.D., Harris J.M. (2016). War by other means : geoeconomics and statecraft. – Cambridge, MA : Harvard univ. press. – 384 p.

Brzezinski Z. (1994). The premature partnership // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 73. Issue 2. – P. 67–82.

Huntington S.P. (1993). The clash of civilisations? // Foreign affairs / Council on foreign relations. – New York. – Vol. 72. Issue 3. – P. 22–49.

International trade statistics 2000. (2000) // WTO. – Geneva. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statistics_e/stat_toc_e.htm (date of access: 28.11.2023).

Kaplan M.A. (1957). System and process in international politics. – Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – 284 p.

Leonard M. (2016). Introduction : connectivity wars // Connectivity wars : why migration, finance and trade are the geo-economic battlegrounds of the future / M. Leonard (Ed.). – P. 1–27.

Luttwak E.N. (1990). From geopolitics to geo-economics : logic of conflict, grammar of commerce // The national interest. – Washington, D.C. – N 20. – P. 17–23.

Spagnol G. (2023). United States and NATO versus BRICS and SCO / IERI. – Brussels. – 19.03. – URL: <https://www.ieri.be/en/publications/wp/2023/mars/united-states-and-nato-versus-brics-and-sco> (date of access: 28.11.2023).

Territorial integrity of Ukraine : resolution. (2014) / UN. General Assembly. – New York. – 27.03. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/767883?ln=en> (date of access: 28.11.2023).

DOI: 10.31249/ape/2024.01.03

© Skriba A.S.¹

Clash of fragments?

The influence of fragmentation of world order on the revival of rivalry between blocks

Abstract. Fragmentation of the world is a phenomenon that can hardly be questioned. After the end of the Cold War, there were several options for the evolution of the international system, including its movement towards greater universality and increasing the importance of global institutions. However, the diversity of international problems and the specifics of their solution (or non-solution) in different regions of the world, as well as the lack of a unified and universal approach to crisis prevention – all this indicates the fragmentation of the world community into regions, associations and «clubs».

Past experience, including that gained during the Cold War, makes one think that the fragmentation of the world will lead to its new division into military-political blocs, which will become a logical continuation of economic integration, and to the resumption of geopolitical competition between the blocs and their leaders. Yet such an assumption has two serious drawbacks. Firstly, such an approach is Western-centric: it extrapolates the Euro-Atlantic experience to other regions, where relations between countries historically have developed according to their own rules, not necessarily in line with aggressive competition. Secondly, this assumption is historically dependent: it is determined by the situation of the Cold War, that is, a specific and very unique period of international relations.

¹ **Skriba Andrei Sergeevich** – PhD in Political Sciences, Head of the Research and Training Laboratory for Political Geography and Contemporary Geopolitics, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University «Higher School of Economics»; askriba@hse.ru

Given the aforementioned limitations, as well as the continued high popularity of such assumptions about the ways of further evolution of the international system, the article aims to study the relationship between the processes of regionalism and fragmentation of the world order that have occurred in recent decades, the phenomenon of division into blocs and the existence of regional blocs in their conventional understanding.

Keywords: *regionalism, blocs, competition, BRICS, CSTO, integration, NATO, CIS.*

Статья поступила в редакцию (Received) 15.11.2023

Доработана после рецензирования (Revised) 20.11.2023

Принята к публикации (Accepted) 22.11.2023